

ВВЕДЕНИЕ: СЛАВИСТИКА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Хотя зачастую утверждается, что феномен Центральной Европы „родился“ после наполеоновских войн в связи с новым разделением Европы и что это понятие использовали на протяжении всего 19 века, настоящая его конъюнктура связана скорее с 20 веком. По концепции Д. Дюришина, на территории Центральной Европы образовался так называемый центральноевропейский центрзм, интегрирующий компоненты: славянский (точнее, западнославянский, частично восточнославянский и южнославянский), германский (немецкий или же австрийский), частично и романский (северная Италия, часть Румынии), угрофинский (Венгрия) и еврейский, связанный зачастую с немецкой, иногда также славянской языковой культурой (Чешские земли, Польша, Украина), – и выступающий как самостоятельный, единый феномен; с другой стороны, однако, распадающийся на отдельные составные части. Это касается и славянской центральноевропейской общности.

Центральноевропейский территориальный комплекс с изменчивой позицией культурных центров и периферий, а также со специфическим переплетением национальностей, культур и религий, вынужден признавать культурную разнородность и критиковать узкий этноцентрический принцип. На территории Центральной Европы давным-давно бытовал мультикультурализм еще до самого мультикультурализма.

Итальянский германист Клаудио Магрис в своей книге „Дунай“ (Danubio), написанной накануне большого переворота в конце 80-х годов 20 века, подчеркивает именно культурное значение упомянутой реки как связующего звена Центральной Европы. Дунай объединял немцев, западных славян, венгров, южных славян, территорию Центральной Европы с Балканами и средиземноморской зоной, касался и территории восточных славян. Однако существенная часть Центральной Европы тяготела не к Дунаю, а к Балтийскому и Северному морю, так что само сердце Европы – Чешские земли

– с геологической точки зрения распадаются именно на территории Брно на две противоположные части. Ареал Центральной Европы, однако, становился и культурной целью, притягивая разные феномены с востока, севера, юга и запада. Белорусский ученый Францыск Скарына (около 1490 – 1551), который родился в Полоцке и скончался, возможно, в Праге, учился в университетах Польши, Италии и Чехии: именно в Праге он издал свой перевод Библии под названием „Бивлия руска“. Украинские литераторы из Галиции публиковали свои сборники и отдельные произведения не только в Российской Империи (Киев, Харьков, Полтава), но и в Центральной Европе (Буда, Вена, Краков, Прага). Мультикультурным центром и для славян была Вена: межвоенный интеллектуальный и культурный треугольник „Прага – Брно – Вена“ стал важным и для русских ученых (Н. Дурново, Р. Якобсон, Н. Трубецкой). Центральная Европа формировала и словенца Матия Мурко, который был тесно связан и с немецкой культурой, и венского уроженца Рене Уэллека, позже известного американского литературоведа и компаративиста.

Моравия является типичным примером смешения и интерференции немецкого и славянского элементов: в городе Простейов (Prosnitz) родился философ-феноменолог Эдмунд Гуссерль; в городе Фрейберг (чешский Пршибор) родился Зигмунд Фрейд; в брненском ареале (Хрлице или Туржаны) появился на свет австрийский философ-эмпириокритик Эрнст Мах, критикуемый в свое время с материалистических позиций В. И. Лениным; в Брно, вблизи Философского факультета на улице Яселска (названной по польскому галицийскому городу Ясло, под которым боролась в годы Второй мировой войны артиллерия Чехословацкого военного корпуса как части Советской Армии), жили почти рядом Карел Чапек (лишь один год), будучи гимназистом, и свыше 25 лет – австрийский писатель Роберт Музил. в нескольких шагах, по направлению к историческому центру города, находится здание бывшей немецкой гимназии (теперь это Факультет Музыки Художественной Академии им. Л. Яначека), в котором учился будущий первый чехословацкий президент Т. Г. Масарик (его статуя, созданная в конце 90-х годов 20 века, стоит напротив, перед бывшим зданием Медицинского факультета Университета им. Масарика, раньше это был немецкий Технический вуз). Недалеко находится бывшее кафе Bellevue, где любил сидеть Милан Кундера (именно около этого места происходит действие некоторых его рассказов из цикла *Смешные любви*), а позже, в годы так называемой нормализации в 70-80-е годы 20 века, – поэт Ян Скацел.

С другой стороны, центральноевропейский ареал сохранил и отношение к средиземноморскому наследию античной Греции и античного Рима (греко-римская мифология, мифологические архетипы, структура литературных родов и жанров, архетипы интертекстуальности, функционирующей как извечный круговорот сюжетов и мотивов), позже – отношение к итальянскому Возрождению. Одновременно Центральная Европа обращается к славянскому и неславянскому Югу (Балканам), на славянский Восток и посредством России открывается Азии. Транзитивный характер Центральной Европы сказывается и на ее ориентации на западноевропейские культурные и политические структуры: таким образом, чехи обращались к французской и английской философии, литературе и изобразительному искусству, чтобы сбалансировать доминирующее немецкое воздействие (Т. Г. Масарик в беседах с К. Чапеком подчеркивал, насколько антинемецкой была чешская университетская среда в Праге, но одновременно она не могла себе представить, что можно открыть курс истории философии французами и англичанами).

По вопросу о центральноевропейском центризме высказался и упомянутый Р. Уэллек, беседуя с П. Демцем в конце 80-х годов 20 века. Именно в связи с националистическим пониманием территории Центральной Европы (Mittleeuropa) в книге Ф. Науманна (1915). Р. Уэллек отказывается от функциональности этого понятия; он относится скептически к возобновлению Центральной Европы в любом смысле (это было еще до переворота 1989 года), хотя П. Демец уже тогда иронически указывал, что их разговор никак не может выйти из заколдованного круга, который очень *mitteleuropäisch*. в ответ на антиславянскую концепцию Ф. Науманна некоторые исследователи избегают понятия Mittleeuropa, предпочитая *Zentraleuropa* (английское *Central Europe*).

Феномен Центральной Европы, таким образом, был несколько раз отвергнут и повергнут, образовав сложную, взаимосвязанную, но и много раз прерванную, гетерогенную сеть, которая перманентно сближается и разъединяется, находя общие черты и, одновременно, резкие отличия и противоречия. Характерная расслоенность территории не раз обнаруживалась в роковые минуты истории Европы – недаром начало обеих войн связано с обстановкой или, точнее говоря, с резким изменением обстановки именно Центральной Европы. Существует ряд культурных феноменов, которые связывают ареал Центральной Европы воедино – например, *biedermeier* или стиль модерн (*Sezession*), в общем и ощущение истории, отдельных

исторических событий и некоторых пластов менталитета; существуют, однако, и резкие противоречия, в том числе религиозные, а позже, с „весны народов“ 19 века, – национальные.

Прочность, стабильность и доминанта одного политического, экономического и культурного центра и господствующего языка и литературы привели к распаду Австро-Венгрии: самой благоприятной для ареала Центральной Европы является, напротив, нестабильность, непрочность, изменчивость, гетерогенность или, точнее говоря, определенный баланс между ментальным и культурным моноцентризмом и полицентризмом, мультикультурализмом и автономизмом. с этой точки зрения Центральная Европа является скорее культурным, ментальным, чем политическим целым.

Институт славистики Университета им. Масарика сейчас включает в себя 17 специальностей в рамках обучения бакалавров, магистров и докторов, среди которых есть практически все славянские филологии, т. е. русистика, украинистика, полонистика, словакистика, словенистика, кроатистика, сербистика, болгаристика, македонистика, основы сорабистики и белорусистики (а также теория и практика перевода с русского и русский и польский для фирменной практики), филологическо-ареальные исследования, литературная компаративистика и славистика, которыми занимается около 1000 студентов. Именно методологическая ориентация на жанрово-сравнительное изучение литературных направлений в ареальных рамках, отражающаяся и на страницах международных журналов, издающихся институтом, а именно *Opera Slavica*, *Новая Русистика* и *Slavica Litteraria*, является специфической чертой этого центральноевропейского центра современной славистики. То, что ему выпала честь стать организатором международных встреч по истории славистики и, наряду с Чешской Ассоциацией Славистов, Центральноевропейским Центром Славянских Исследований и Славистическим Обществом Франка Вольмана, издателем настоящего тома, также вытекает из вышеупомянутого контекста.

Иво Поспишил, редактор